

только тогда снимает вопрос о возмещении вреда, когда он не был вынужденным. Если же ложное признание получено путем насилия или совершено в обстановке психического давления (обманы, уговоры, внушения и т. д.) дано под угрозой ареста или ввиду обещания освободить из-под стражи, смягчить наказание и т. п., то такой самооговор не может служить причиной отказа в возмещении ущерба, так как установлению истины фактически препятствовал не обвиняемый, а следователь или другое должностное лицо, незаконными действиями принудив его к ложным показаниям.

В большинстве случаев ложные показания подозреваемого либо обвиняемого вызваны неправомерными действиями должностных лиц органов уголовного преследования: запугивание, шантаж, обещание смягчения уголовной репрессии, непосредственное физическое воздействие. В то же время необходимо учитывать, что незаконное воздействие на лицо может исходить также со стороны других, заинтересованных в исходе дела участников процесса: соучастников преступлений, потерпевших, гражданских истцов, их представителей и защитников. Самооговор может быть вызван также болезненными расстройствами психики, даже если они не исключают вменяемости. Представляется, что и в этих случаях нельзя вести речь о добровольном либо умышленном характере ложных показаний, так как указанные факторы существенно ограничивают волеизъявление гражданина. Одним из наиболее сложных аспектов при решении вопроса об отнесении показаний лица к категории самооговора является оценка содержания фактических сведений. Представляется, что они должны признаваться только в том случае ложными, когда лицо умышленно искажает фактические обстоятельства расследуемого события. В свою очередь, добросовестное заблуждение гражданина относительно юридической квалификации содеянного не должно становиться препятствием для возникновения права на возмещение вреда. Таким образом, полагаем, что признание лицом своей вины в таких случаях не следует расценивать как умышленный и добровольный самооговор. Соответственно, реабилитированное лицо должно быть наделено правом на возмещение физического, имущественного и морального вреда в порядке, определенном гл. 48 УПК.

УДК 343.1

Р.М. Поном

ПРОБЛЕМЫ РАСШИРЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРЕДЕЛОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

Судебно-экспертная деятельность как практическая форма реализации специальных знаний выступает неотъемлемой подсистемой доказывания, для которой процессуальная регламентация имеет практическое значение. Однако сегодня тенденции развития теории и практики криминалистики и судебной экспертизы вступают в противоречие с современными потребностями органов правоприменения при осуществлении доказывания, так как действующее уголовно-процессуальное законодательство уже не может в полной мере обеспечивать эффективность регулирования этих процессов. Данные негативные обстоятельства требуют оптимизации уголовно-процессуального законодательства, регулирующего порядок использования специальных знаний при расследовании преступлений.

Одним из путей решения проблем уголовно-процессуальной регламентации судебно-экспертной деятельности является совершенствование механизма ее вовлечения в процессы доказывания. Негативным примером неинтегрированности эксперта в общую поисково-познавательную деятельность по доказыванию может служить регламентация в уголовно-процессуальном законе вопроса об экспертной инициативе.

Несмотря на то что эксперт действует строго в рамках уголовного процесса, в его деятельности преобладает научно-поисковая доминанта. В этой связи в ряде случаев эксперт просто не может не выйти за пределы очерченного круга поставленных вопросов. Это обуславливается рядом причин: методикой исследования; отсутствием у следователя (судьи) специальных знаний; наличием ряда скрытых моментов, проявляющихся только в результате самих исследований и пр. В практике известно немало случаев, когда эксперт в процессе исследования «натывается» на новые обстоятельства или фактические данные, которые просто не были и не могли быть известны следователю и которые необходимо в силу ряда причин исследовать незамедлительно. Что должен делать эксперт в данной ситуации? Делать все для установления искомых по делу фактических данных, т. е. проявлять экспертную инициативу.

В ст. 236 УПК Республики Беларусь указано, что «если при проведении экспертизы эксперт установит обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе указать на них в своем заключении». Обратим внимание – может указать. А может и не указать. По нежеланию, халатности, следованию «политике» ведомства и т. д.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что экспертная инициатива становится не только жизненной реальностью, но и насущной потребностью уголовного судопроизводства. А в силу этого либо ст. 236 УПК нуждается в существенном изменении и дополнении, либо в УПК следует ввести новую статью – 236¹ «Экспертная инициатива». В любом случае, эксперт должен по своей инициативе и (или) с согласия лица, назначившего экспертизу, проводить по представленным объектам все необходимые исследования для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, с обязательным отражением полученных результатов в своем заключении.

Здесь вопрос экспертной инициативы напрямую связан с важным вопросом расширения компетенции не только самого эксперта, но и руководителя экспертного учреждения, которого ст. 230 УПК обязывает: 1) поручать производство экспертизы тому или иному эксперту; 2) разъяснить им права и обязанности, предусмотренные ст. 61 УПК. Но указание на иные права практически отсутствуют.

На практике возможны случаи, когда руководитель замечает, что неопытный либо недобросовестный эксперт нарушил методологию исследования, совершил ряд процессуальных, логических либо деятельностных ошибок, что сказалось (могло сказаться) на результатах исследования. Причем применение рекомендаций руководителя способствовало бы получению качественно иных результатов, расширило бы возможности экспертизы, позволило бы избежать ошибок. При этом эксперт в соответствии с действующим законодательством может игнорировать указание руководителя и по самым разным причинам настаивать на достоверности как способов и методов исследования, так и полученных результатов.

В подобных случаях возможен фактически только один выход. В случае несогласия руководителя экспертного учреждения с выводами эксперта необходимо назначение комиссии других экспертов и направление следователю двух заключений. Но это, в свою очередь, является явным и грубым нарушением УПК. Возникает вопрос: что делать руководителю экспертного учреждения, если он видит, что эксперт грубо нарушает (нарушил) методологию исследования?

Не посягая на процессуальную самостоятельность эксперта, полагаем, что для руководителя экспертного учреждения законом должна быть предусмотрена возможность при его обоснованном несогласии с выводами эксперта назначения другого эксперта и, если в результате их выводы не совпадут, направления лицу, назначившему экспертизу, двух заключений. Также при необходимости назначения по мнению руководителя экспертного учреждения комплексной экспертизы последний должен обладать правом сделать это своим постановлением.

Вопрос о возможности руководителя в указанных случаях назначать производство в своем учреждении повторной либо комплексной экспертизы может быть решен путем введения в закон права дачи заключения от имени юридического лица – экспертного учреждения. С нашей точки зрения, ст. 230 УПК может быть дополнена указанными положениями с оговоркой, что подобные расширенные исследования могут проводиться только с предварительного согласия (или уведомления) лица, назначившего экспертизу.

Еще одним проблемным моментом расширения процессуальных пределов использования специальных знаний является вопрос об изменении требований ст. 228 УПК, регламентирующей перечень обстоятельств, когда назначение судебных экспертиз является обязательным. Чрезмерная лаконичность этого перечня часто влечет потерю потенциально значимых и достоверных фактических данных за счет неиспользования возможностей судебной экспертизы, или вообще может привести к уничтожению доказательств – в случае проведения первоначальных исследований, не имеющих статуса судебной экспертизы, которые связаны с изменением либо разрушением объекта исследования.

В этой связи полагаем, что ст. 228 УПК должна быть дополнена положениями, согласно которым назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если для установления существенных для уголовного дела обстоятельств необходимо применение соответствующих научных знаний. В обоснование такой необходимости отметим, что определение признаков конкретного состава преступления очень часто просто невозможно без проведения экспертизы. Например, без проведения экспертизы невозможно установить: являлось ли вещество ядом, наркотиком; является ли объект холодным или огнестрельным оружием; причину возгорания, обрушения здания, техногенной катастрофы; размер материального ущерба и пр. Кроме того, следует подчеркнуть, что возможность и необходимость использования следователем специальных знаний занимает особое место при оценке им полученных фактических данных при принятии значимых процессуальных решений, а применение результатов экспертных исследований для оценки и проверки показаний участников процесса, отыскания недостающих звеньев в установлении картины преступления – это важнейшая задача доказывания.

Таким образом, наполнение имеющихся уголовно-процессуальных норм новым действенным криминалистическим содержанием выступает обязательной предпосылкой наделения процессуально уполномоченных лиц возможностью реального оперирования современным научно-практическим ресурсом судебной экспертизы с целью перехода на качественно новый уровень доказывания. В этой связи назрела необходимость расширения процессуальных компетенций эксперта, повышение уровня его процессуальной ответственности и инициативы при решении поставленных перед ним вопросов. Это касается его собственной компетенции и компетенции начальника экспертного учреждения, расширения обязанностей эксперта при проявлении экспертной инициативы, заявления соответствующих ходатайств при участии в следственных действиях и проведении экспертных исследований.

УДК 343.1

Л.Р. Садыкова

ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Согласно ст. 6 УПК РФ назначение виновным справедливого наказания выступает одной из ключевых составляющих назначения уголовного судопроизводства. Однако эффективность уголовной репрессии обуславливается не только качеством обвинительного приговора, но и оптимально выстроенной деятельностью суда по рассмотрению вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора в связи с его реализацией.

Исполнительная направленность предписаний приговора не исчерпывается только обращением приговора к исполнению: необходимо обеспечение реализации уголовного наказания, что актуализирует познавательную активность суда, проявляющуюся в процессуальных формах, предусмотренных ст. 399 УПК РФ, которая регламентирует процедуры рассмотрения судом вопросов, возникших в стадии исполнения приговора. При этом уголовно-процессуальные отношения в рамках данной стадии